

ЗАБАСТОВКИ НАЧАЛА 1990-х гг. КАК АНОМАЛИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ШКОЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н. В. Коршунова¹, А. Н. Мищенко^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, Российская Федерация

² Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей, г. Челябинск, Российская Федерация

Распад СССР и создание России кардинально изменили повседневность школьного учителя. Начало 1990-х гг. стали моментом психологического напряжения для педагогических работников. Появление понятия «педагогическая услуга» наряду с резким понижением уровня жизни привели к кризису, выразившемуся в забастовках школьных учителей. В работе представлены протесты педагогов 1992 г. по Челябинской области в рамках пика первой волны забастовочного движения постсоветской России (1991—1994). По материалам архива, воспоминаниям участников и публикациям в прессе рассмотрены общие тенденции и особенности весенних забастовок школьных учителей восьми муниципалитетов Челябинской области. Показаны как проявления общероссийских черт выступлений бюджетников на региональном уровне, так и их южноуральская специфика. Выделены два типа протестов. Власти приняли лишь частичные меры для решения указанных вопросов, однако протесты сошли на нет вследствие приспособления учителей к новым реалиям, выразившегося в поиске регулярных подработок, порой в ущерб учебному процессу, или уходе из системы образования.

Ключевые слова: забастовка, постсоветская Россия, Челябинская область, система народного образования, повседневность школьного учителя, материальное положение.

Учительство всегда являлось наиболее консервативной частью населения, и поэтому участие учительства в забастовочном движении конца 90-е гг. XX в. стало своего рода апогеем протестного движения постсоветской России [8; 15].

Отдельных работ по исследованию протестного движения школьных учителей как Челябинской области, так и всей постсоветской России, мы не встретили. Фрагментарно проблема была затронута в фундаментальном исследовании «Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки» Э. Д. Днепров, бывшего министром образования в 1990—1992 гг. и очевидца тех событий [3]. Он называет общероссийские забастовки педагогов «неизбежной реакцией самозащиты учительства», столкнувшегося с катастрофическим обесцениванием заработной платы и прекращением финансирования большинства потребностей системы образования: ...в первом квартале 1992 г. ассигнования, выделенные на систему образования, составили 47,4 % от потребностей и в начале второго квартала — 45,4 %. По сути в образовательном бюджете были открыты только три статьи: заработная плата, школьное питание и стипендии; отопление и освещение. Все остальные не финансировались...» [3, с. 79].

Забастовочное движение российских учителей отмечено в монографии американского историка советского и российского образования J. Sutherland. [17, р. 86—114] Емкую и точную характеристику содержания и формы забастовок педагогов, как работников бюджетной сферы, дали А. Зайцев, А. Клементьева, С. Ермаковский, Ю. Карпенков [4] и продолжившая эти исследования И. М. Козина [8].

Весьма интересна с точки зрения реконструкции событий публикация о забастовке работников системы народного образования в Златоусте, вышедшая в газете «Златоустовский рабочий» [16].

В рамках политики новой российской власти были продекларированы достойный уровень жизни и обширные социальные льготы для учителей. В реальности же государство не имело ресурсов для реализации таких лозунгов. Более того, скачок цен и быстрое обнищание населения как следствие гиперинфляции в результате январской либерализации цен 1992 г., да еще на фоне регулярных задержек выплаты заработной платы, отсутствие ясного видения путей реформирования системы образования в России, массовые протесты различных категорий населения, — все это спровоцировало южноуральских учителей на забастовки.

Спорной была нормативная база забастовок. В СССР право трудящихся на забастовку долгое время не было закреплено законодательно, за исключением единичного документа — Постановления ЦИК и СНК от 23 января 1929 г. «Об имущественной ответственности профессиональных союзов», запрещающее обращать взыскание на забастовочные фонды профсоюзов [11]. 9 октября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [10]. Статья 7 данного закона определяла содержание понятия забастовка: «крайняя мера разрешения коллективного трудового спора (конфликта)» [10], а сам закон устанавливал порядок ее объявления, проведения и прекращения. Других документов, регулировавших трудовые споры, на то время не существовало, но и имевшихся вполне хватало.

Политика государства в отношении школьного учителя с самого зарождения новой России отличалась дуализмом, возникшим как ответ на ситуацию наступившего ценностного дисбаланса и дезориентацию в культуре постсоветского общества в результате кризиса системы российского общества [1, с. 9—10]. Наступил «социокультурный кризис»: ценности, как основополагающий элемент всякой культуры, консолидируют общество, потому трансформация системы ценностей более опасна, чем изменения в экономике или военная угроза [1, с. 3]. Соответственно, образовательную политику страны бросило от советской политики сохранения, поддержки и воспроизведения учительства, как социального института и носителя базовых ценностей, к полюсу коммерциализации системы образования и перевода школьного учителя в статус рядового исполнителя образовательных услуг. Духовный крен государства в сторону нового типа ценностей напрямую отразился на школьном учителе. С 1991 г. явно прослеживается тенденция доминирования «ценностей потребительского рынка, рыночного общества», что стало одним из факторов рождения протеста.

Результат не заставил себя долго ждать. Забастовки в 1992 году охватили образовательные учреждения восьми городов Южного Урала: Магнитогорска (16 марта), Златоуста (19 марта), Коркино (21 марта), Южноуральска (2 апреля), Кыштыма (2—4 апреля), Миасса (20—24 апреля), Сатки (23—24 апреля), Катав-Ивановска (22 мая). Точное количество школ, принимавших участие в протестах, известно только в Катав-Ивановске — шесть [12, л. 1—9]. С другой стороны, возможно определить количество участников забастовок:

Количество работников школ Челябинской области, принявших участие в забастовках в марте — мае 1992 года

Место проведения забастовки	Численность бастовавших, человек	Доля участников забастовки от общей численности работников организаций народного образования, охваченных забастовками, %
Магнитогорск	2892	100
Златоуст	1357	95,6
Коркино	197	100
Южноуральск	300	100
Кыштым	238	36,5
Миасс	1125	47,6
Сатка	1798	87,7
Катав-Ивановск	349	44,4
ИТОГО:	8256	77,4

В документе имеется исправление и неточность: число 2900 написано поверх другого нечитаемого числа путем его исправления. При этом общая численность работников бастовавших школ указана как 2892 человека. Мы полагаем, что автор документа

не располагал точными сведениями о численности бастовавших, и берем в качестве численности 2892 человека, так как количество протестующих не могло превышать количества трудоустроенных [12, л. 1—6].

Таблица № 1 демонстрирует два разных типа протестного движения. К первому можно отнести массовые (участвуют от 85 % до 100 % работников организации) и кратковременные (длительность, как правило, 1 день, как исключение — 2 дня) забастовки. Так бастовали в Магнитогорске, Златоусте, Коркино, Южноуральске, Сатке.

Данная форма протеста была предварительно организована региональными отделениями профсоюза работников народного образования, что находит подтверждение у ряда исследователей: «... забастовками «бюджетников» руководили лояльные к власти отраслевые объединения ФНПР, старавшиеся свести любые негативные последствия к минимуму...» [8]. Об этом же говорят воспоминания очевидцев: «... странное было мероприятие. Детей домой отравили, сами не работали, но на работе были. Многие тетради проверяли...». Можно согласиться с И. М. Козиной, заявлявшей, что забастовки такого типа «носили в основном умеренно-демонстративный характер» [8]. В то же время ее утверждение, что забастовки «часто проводились без реального прекращения работы» и «учебный процесс обеспечивался «дежурными преподавателями», не подтверждается. Все опрошенные нами участники забастовок заявляли, что при таком типе забастовки школы не работали. Сообщения в средствах массовой информации также подтверждают нашу точку зрения: «... 19 марта общеобразовательные школы города объявили однодневную предупредительную забастовку. Учащихся первой смены отпустили с уроков, вторая смена была предупреждена с вечера...» [16].

Во втором случае мы наблюдаем умеренное участие (бастуют от 30 % до 50 %) работников школы, но большей продолжительностью, в среднем от 1 до 5 дней. Это наблюдается в Кыштыме, Миассе, Катав-Ивановске. Это были стихийные формы протеста инициативных групп учителей. Так как их инициативу не все поддерживали, учебный процесс не прерывался.

На начало 1991/1992 учебного года численность школьных учителей в Челябинской области составляла 31043 человека [12, л. 1]. Мы можем констатировать участие в весенних забастовках 1992 г. 26,5 % педагогов или каждого четвертого из них. Все имевшие тогда место забастовки носили сугубо демонстративный характер.

Абсолютно все забастовки были массовым ответом работников народного образования на экономическую политику правительства. Волнения затронули практически все крупные городские поселения и ключевые моногорода области. В то же время они обошли стороной Челябинск, закрытые города — центры оборонной промышленности (Озерск, Снежинск, Трехгорный) и сельскую местность. Мы, полагаясь на мнения очевидцев событий, считаем, что причиной тому стало не столь плачевное экономическое положение школьного учителя. Экономическая составляющая повседневности

педагога, проживавшего на тот момент в Челябинске, в «запретках» и в сельской местности, отнюдь не была блестящей, имели место те же проблемы, что и озвученные протестовавшими в других городах области, но уровень социального негодования еще не достиг на тот момент кризисной точки. Массового организованного выступления школьных учителей не было. Не было заметно и организующего начала челябинского и сельских отделений профессионального союза педагогов: они не желали или не могли создать забастовку.

«Молчаливый Челябинск», «молчащие запретки» и «молчащее село» указывают на то, что забастовочное движение было локальным региональным явлением, присущим повседневности педагогов только промышленных центров металлургической и горнодобывающей промышленности, по которым кризис ударил сильнее всего.

Все выступления носили экономический характер и не содержали каких-либо политических требований. Особняком стоит протест в городе Миассе, где возмущенные школьные учителя назвали свой город «зоной экологического бедствия» [12, л. 7] и сделали свою акцию первым в истории Челябинской области выступлением в защиту экологии.

Что касается экономических требований бастовавших, мы выделим общие и частные причины протестов. Повсеместно участники протестного движения требовали улучшения материального положения педагогов: выплаты и повышения размера заработной платы, при этом рост ее должен был составлять от 6 (Миассе) до 10 раз (Кыштым) [12, л. 5,7]. Такие требования были весьма скромными, ведь после объявленной в январе 1992 года либерализации цен они в течение года поднялись в 25 раз [14].

Квартирный вопрос также был весьма актуален для школьных учителей — участников забастовки. Они не просто заявляли о проблеме, но и обозначали свое видение пути ее решения: предусмотреть выделение 10% от сдаваемого метража жилья для работников системы народного образования и определяли сроки решения — до 1995 г. [12, л. 1, 5].

Самыми содержательными и многоаспектными были требования школьных учителей по повышению их социальной защищенности, лучше всего продемонстрированные в Златоусте, Миассе и Кыштыме. Кыштымские педагоги требовали введения компенсации в размере 50 % от стоимости коммунальных услуг, хотя такая льгота существовала и существует для учителей, проживающих в сельской местности [12, л. 5], но не всегда соблюдалась в тот период [6]. Педагоги Миасса заявляли о повышении размера компенсации расходов на покупку методической литературы, исходя из ее реальной стоимости на рынке в условиях гиперинфляции [12, л. 7]. Бастующие в Златоусте выдвинули следующие условия: возобновить и увеличить дотации на детское питание учащимся на 50 %; отменить 28-процентный налог с детского питания; ввести дотацию на содержание детей работающим в системе народного образования и в детских садах педагогам; ввести дотацию на питание и транспортные услуги [12, л. 1].

Все вышеперечисленные требования школьных учителей говорят о том, что базисом конфликта

стали многочисленные социальные и экономические проблемы, которые не решались на протяжении многих лет, а реформы Е. Т. Гайдара, вследствие которых началось лавинообразное обнищание педагогов, стали катализатором протестного движения в Челябинской области.

Особенность забастовки школьных учителей Катав-Ивановска состоит в том, что основной побудительной причиной здесь стало профессиональное недовольство педагогов не столько своим материальным положением, сколько плачевной ситуацией материального оснащения и финансирования самих образовательных организаций: народный гнев вызвала слабая техническая оснащенность школ и недостаточное их финансирование [12, л. 3].

Забастовки были явлением новым для областной системы образования: работники городских и районных отделов народного образования не имели представления о том, как предоставить информацию о них, в документах много сознательных и преднамеренных ошибок, исправлений и несурзацы. Информацией никто не владел, и как она должна оформляться, никто точно не знал. Так, например, Златоустовский ГорОНО дважды (7 и 12 мая 1992 г.) готовил статистический отчет о забастовке, при этом размер фонда оплаты труда педагогов в квартал, предшествующий началу забастовки, «подрос» с 3507 до 6001,3 тысяч рублей [12, л. 1]. Авторы статистических отчетов не знали, как рассчитать и в каких единицах измерить материальный ущерб от протестов.

Таким образом, мы полагаем, что наше исследование регионального протестного движения педагогов обозначило его характер, выявило два отличных друг от друга по форме и содержанию направления, показало отсутствие единого фронта бастовавших и обозначило как общие, так и частные требования его участников. Забастовки Челябинской области были в федеральном тренде 1992 г., но имели региональную и локальную специфику, что позволяет нам говорить о том, что только стремительное повсеместное обнищание, вызванное экономическими реформами правительства, подтолкнуло в 1992 г. школьных учителей, лояльных работодателю-государству бюджетников и «заложников своего рабочего процесса» [8] к крайней форме разрешения трудового спора, где в тесном клубке переплелись неразрешенные государственные, региональные и локальные противоречия. Наиболее проблемными зонами в Челябинской области, где вышеуказанные противоречия достигли максимального уровня, стали города и моногорода — промышленные центры. Учителя-очевидцы сообщили, что ни один протест не возымел каких-либо значимых последствий — все они закончились либо единовременными незначительными выплатами, быстро прекратившимися, либо обещаниями администрации муниципалитетов, исполнением которых никто далее не озадачился: «... глава городской администрации сообщил, что выделенные из городского бюджета и бюджета Горона средства позволят только на три месяца повысить оплату классного руководства, а также несколько увеличить оклад директоров и завучей школ... Однако эта прибавка не решила главной проблемы: по-прежнему высшая учительская ставка в школе оставалась крайне низ-

кой...» [16]. Власти приняли лишь частичные меры для решения указанных вопросов, однако протесты сошли на нет вследствие приспособления учителей к новым реалиям, выразившиеся в поиске регулярных подработок, порой в ущерб учебному процессу, или уходе из системы образования. Мы знаем, что проблемы финансирования образования в дальнейшем решать начали, чего нельзя сказать о социальном статусе школьного учителя, который по-прежнему в рамках закона «Об образовании в РФ» оказывает образовательные услуги.

Изучая историю повседневности постсоветского школьного учителя Челябинской области [9], мы можем сказать, что некоторые противоречия, ставшие причиной волнений в школе в последнее десятилетие XX в., насущны и по сей день в XXI в.

Литература и источники

1. Анисимова, О. С. Трансформация ценностных ориентаций культуры постсоветского общества : автореф. дис. ... канд. философ. наук / О. С. Анисимова. — Ростов н/Д, 2013.

2. Демидов, А. История протестов и самоорганизации в образовании / А. Демидов // Межрегиональный профсоюз работников образования «Учитель». 2015. 12 мая. — URL: <http://pedagog-prof.org/stati/14-2015-05-12-15-12-20> (дата обращения: 21.08.2018).

3. Днепров, Э. Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки / Э. Д. Днепров. — М. : Мариос, 2011. — 456 с.

4. Зайцев, А. Стратегия поведения участников забастовки / А. Зайцев, А. Клементьева, С. Ермаковский, Ю. Карпенков // Социологические исследования. — 1998. — № 10.

5. Как бастовали россияне в 90-е? // Живой журнал. — URL: <https://avn-msk.livejournal.com/2335640.html> (дата обращения: 21.08.2018).

6. Как девять сельских учителей парламент Южного Урала одолели // Ura.ru. 2011. 18 мая. — URL: <https://ura.news/news/1052346806> (дата обращения: 18.08.2018).

7. Кливер, Е. П. Право на забастовку в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Е. П. Кливер. — Омск, 2000. — 199 с.

8. Козина И. М. Забастовки в современной России / И. М. Козина. — URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/28/1534857772dad78b74c76e1684520e320a231b6ae9/Kozina_strike.pdf (дата обращения: 21.08.2018).

9. Мищенко, А. Н. Социально-профессиональный портрет южноуральского школьного учителя постсоветской эпохи (на примере Челябинской области) / А. Н. Мищенко // Общество: философия, история, культура. — 2018. — № 7 (51). — С. 77—80.

10. О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов) : Закон СССР от 20.05.1991 № 2179-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета СССР. — М., 1991. — 5 июня.

11. Об имущественной ответственности профессиональных союзов : постановление ЦИК и СНК 23 января 1929 г. // Собрание законодательства СССР. — 1929. — № 7. — Ст. 6.

12. Отчет 1-пр по забастовкам. Статистические отчеты (ф. 1-пр) Горрайона на «З-Ю» о срочных извещениях о приостановке (забастовке) и возобновлении работы трудовых коллективов учителей за март — май 1992 г. 19 марта — 25 мая 1992 г. // ОГАЧО. Ф. Р-1000. Оп. 1. Д. 5252.

13. Рыночные реформы и забастовки учителей. 1992. — URL: <https://90.theoryandpractice.ru/1992> (дата обращения: 21.08.2018).

14. Таблица инфляции // Уровень инфляции в Российской Федерации. — URL: http://уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx (дата обращения: 18.08.2018).

15. Хохлова, О. М. Реализация права на забастовку в современной России / О. М. Хохлова // Киберленинка. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-prava-na-zabastovku-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.08.2018).

16. Этот день в истории. Как бастовали латфузовцы после распада СССР // Латуфовский рабочий. — 2018. — 27 марта.

17. Sutherland, J. Schooling in New Russia: Innovation and Change, 1984—95 / J. Sutherland // Palgrave Macmillan; 1999 edition (November 11, 1998). XVI, 220 p.

КОРШУНОВА Надежда Владимировна, заведующая кафедрой отечественной истории и права, доктор исторических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: korshunovanv@cspu.ru

МИЩЕНКО Андрей Николаевич, заместитель директора, Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей, аспирант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: manchel1978@gmail.com

Поступила в редакцию 7 декабря 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh190104

STRIKE: AN ANOMALY OF POST-SOVIET SCHOOL TEACHER'S EVERYDAY ROUTINE (A CASE STUDY OF CHELYABINSK REGION)

N. V. Korshunova¹, korshunovanv@cspu.ru

A. N. Mishchenko^{1, 2}, manchel1978@gmail.com,

¹ South Ural State University of Humanities and Education, Chelyabinsk, Russian Federation

² Chelyabinsk regional multi-profile boarding school for gifted children, Chelyabinsk, Russian Federation

The collapse of the USSR and the creation of Russia radically changed the daily life of a school teacher. 90-ies. XX century. became a moment of psychological stress for teachers, The emergence of the concept of «pedagogical service» along with a sharp decline in living standards led to a crisis, expressed in the strikes of school teachers. The paper presents the protests of teachers in 1992 in the Chelyabinsk region in the framework of the peak of the first wave of the strike movement

of post-Soviet Russia (1991—1994). According to the materials of the archive, memoirs of participants and publications in the press, the General trends and features of the spring strikes of school teachers of eight municipalities of the Chelyabinsk region are considered. Shown as manifestations of the all-Russian traits of the performances of the public sector at the regional level, the South Urals and their specificity, we identify two protests. The authorities took only partial measures to solve these issues, but the protests came to naught as a result of the adaptation of teachers to the new realities, expressed in the search for regular jobs, get the expense of the educational process, or withdrawal from the educational system.

Keywords: strike, post-Soviet Russia, Chelyabinsk region, the system of public education, everyday routine of the schoolteacher, financial situation.

References

1. Anisimova O. S. *Transformaciya cennostnyh orientacij kul'tury postsovetskogo obshchestva* [Transformation of value orientations of post-Soviet society culture. Doct. Diss.]. Rostov-na-Donu, 2013. (in Russ.)
2. Demidov A. *Istoriya protestov i samoorganizacii v obrazovanii* [History of protests and self-organization in education] // Interregional trade Union of education workers «Teacher». 12.05.2015. Available at: <http://pedagog-prof.org/stati/14-2015-05-12-15-12-20> (accessed 21 August 2018). (in Russ.)
3. Dneprov E. D. *Novejshaya politicheskaya istoriya rossijskogo obrazovaniya: opyt i uroki* [The Latest political history of Russian education: experience and lessons]. Moscow: Marios Publ., 2011. 456 p. (in Russ.)
4. Zaitsev A., Klementyev A., Yermakovskiy S., Karpenko Yu. *Strategiya povedeniya uchastnikov zabastovki* [A Strategy used by strikers] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 1998, no. 10. (in Russ.)
5. *Kak bastovali rossiyanе v 90-e?* [How did the Russians strike in the 90s?] // Livejournal. Available at: <https://avn-msk.livejournal.com/2335640.html> (accessed 21 August 2018). (in Russ.)
6. *Kak devyat' sel'skih uchitelej parlament YUzhnogo Urala odoleli* [How nine rural teachers defeated the Parliament of the southern Urals] // Russian news Agency «Ura.ru». 18.05.2011. Available at: <https://ura.news/news/1052346806> (accessed 18 August 2018). (in Russ.)
7. Cleaver Y. P. *Pravo na zabastovku v Rossijskoj Federacii* [The right to strike in the Russian Federation. Doct. Diss.]. Omsk, 2000. 199 p. (in Russ.)
8. Kozina I. M. *Zabastovki v sovremennoj Rossii* [Strikes in modern Russia] Available at: https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/28/1534857772dad78b74c76e1684520e320a231b6ae9/Kozina_strike.pdf (accessed 21 August 2018). (in Russ.)
9. Mishchenko A. N. *Social'no-professional'nyj portret yuzhnoural'skogo shkol'nogo uchitelya postsovetskoy ehpopi (na primere Chelyabinskoy oblasti)* [Social and professional portrait of the South Ural school teacher of the post-Soviet era (on the example of Chelyabinsk region)] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. Nauchnyj zhurnal*. [Society: philosophy, history, culture. Scientific journal], 2018, no. 7 (51). pp. 77—80. (in Russ.)
10. *Zakon SSSR ot 20.05.1991 № 2179-1 «O poryadke razresheniya kollektivnyh trudovyh sporov (konfliktov)»* [The law of the USSR of 20.05.1991 № 2179-1 «About the order of resolution of collective labor disputes (conflicts)»] // *Vedomosti of Council of people's deputies and the Supreme Soviet of the USSR*. Moscow, 1991. June 5th. (in Russ.)
11. *Ob imushchestvennoj otvetstvennosti professional'nyh soyuzov» Postanovlenie CIK i SNK 23 yanvarya 1929 g* [«On property liability of trade unions» Resolution of the CEC and SNK January 23, 1929]
12. *Otchet 1-pr po zabastovkam. Statisticheskie otchety (f.1-pr) Gorrajono na «Z-YU» o srochnyh izveshcheniyah o priostanovke (zabastovke) i vobnovlenii raboty trudovyh kollektivov uchitelej za mart — maj 1992 g. 19 marta — 25 maya 1992 g* [Report 1-ol according to the strikes. Statistical reports (f.1-ol), Gorriion «S-s» urgent notice on suspension (strike) and the resumption of the work of labor collectives of teachers for March — may 1992. 19 March-25 may 1992]. Ob''edinennyj gosudarstvennyj arhiv CHelyabinskoy oblasti (OGACHO). P-1000. Op.1. D. 5252. (in Russ.)
13. *Rynochnye reformy i zabastovki uchitelej. 1992* [Market reforms and teacher strikes. 1992.] Available at: <https://90.theoryandpractice.ru/1992> (accessed 21 August 2018). (in Russ.)
14. *Tablica inflyacii* [Inflation table] [Electronic resource] // inflation Rate in the Russian Federation. Available at: http://уровень-инфляции.рф/таблица_инфляции.aspx (accessed 18 August 2018). (in Russ.)
15. Khokhlova O. M. *Realizaciya prava na zabastovku v sovremennoj Rossii* [Realization of the right to strike in modern Russia] // Cyberleninka. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/realizatsiya-prava-na-zabastovku-v-sovremennoj-rossii> (accessed 22 August 2018). (in Russ.)
16. *Etot den' v istorii. Kak bastovali zlatoustovcy posle raspada SSSR* [This day in history. As Zlatoustovsky went on strike after the collapse of the USSR] // *Zlatoustovskij rabochij* [Zlatoustovsky worker.] Zlatoust, 2018. March 27th. (in Russ.)
17. Sutherland J. *Schooling in New Russia: Innovation and Change, 1984-95*. Palgrave Macmillan; 1999 edition (November 11, 1998). XVI, 220 p.

Received December 7, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Коршунова, Н. В. Забастовки начала 1990-х гг. Как аномалия повседневности постсоветского школьного учителя (на примере Челябинской области) / Н. В. Коршунова, А. Н. Мищенко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 1. — С. 22—26. DOI: 10.14529/ssh190104

FOR CITATION

Korshunova N. V., Mishchenko A. N. Strike: an anomaly of post-Soviet school teacher's everyday routine (a case study of Chelyabinsk region). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 22—26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190104